

УДК 123.1

DOI 10.17726/phillIT.2020.1.6

Интерпретация классического либертарианского определения свободы воли Р. Кейном¹

Брагина Наталья Ивановна,

студентка 4-го курса,

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия²*

nibragina97@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье исследуются особенности проблематизации либертарианской свободы воли, обращение к которой становится особо актуальным в связи с требованием натурализма, выдвигаемого современной научной картиной мира. Американский философ Р. Кейн настаивает на том, что для разрешения проблемы в ее современном виде необходимо переосмыслить традиционные либертарианское и компатибилистское определения свободы воли в их непосредственной связи. Свои классические очертания данные определения получили в рамках полемики Т. Гоббса и Д. Брэмхолла, в рамках которой Т. Гоббс дает компатибилистское определение свободы воли, совместимое с детерминизмом, но лишь на уровне обыденного языка. Р. Кейн предлагает обратить большее внимание на его оппонента, который учитывает более глубокие интуиции. От данного определения зависит то, каким образом мы рассматриваем сопряженные понятия, такие как моральная ответственность, истинное творчество, любовь, достоинство личности и т.д. Продолжая «линию Брэмхолла», Р. Кейн дорабатывает классическое либертарианское определение свободы воли и показывает его возможную совместимость с современным научным пониманием мира, концептуализируя проблематику при помощи таких понятий, как «множественная рациональность», «формирующие самость действия», «расколота воля» и т.д. Главной задачей данной статьи является ответ на вопрос о том, почему, с точки зрения Р. Кейна, редукция традиционного понимания свободы воли является не только излишней, но и пагубной.

Ключевые слова: аналитическая философия, свобода воли, либертарианство, компатибилизм, Р. Кейн, моральная ответственность, детерминизм, индетерминизм, Т. Гоббс, Д. Брэмхолл.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00222).

² Научный руководитель: Секацкая М. А., канд. филос. наук, ст. преп., ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», maria.sekatskaya@gmail.com.

Robert Kane's rethinking of traditional libertarian free will¹

Bragina Natalia I.,

4th year student,

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia

nibragina97@gmail.com

Abstract. This article explores the problem of free will especially as it is understood by libertarian philosophers. This problem becomes even more relevant in connection with the modern scientific understanding of the world which puts forward the demand of naturalism for resolving mind-body problem. The American philosopher R. Kane insists that it is necessary to rethink the traditional libertarian and compatibilist definitions of free will in order to get ahead from the standstill of current free will debates. These definitions were given their classical forms in T. Hobbes and D. Bramhall's polemic. T. Hobbes gives a compatibilist definition of free will, i.e. of free will compatible with determinism, but only at the level of ordinary language. R. Kane suggests to pay more attention to Hobbes' opponent, who takes into account stronger intuitions, which helps to consider related concepts, such as moral responsibility, genuine creativity, love, personal dignity, etc. in their full sense. Following the Bramhall's tradition R. Kane expands the traditional libertarian definition of free will and shows that it is possible to make it compatible with the modern science by using such notions as «plural rationality», «self-forming acts», etc. The main task of this article is to answer why, from R. Kane's point of view, the reduction of the traditional understanding of free will is not only unnecessary, but also harmful.

Keywords: analytic philosophy, free will, libertarianism, compatibilism, determinism, indeterminism, moral responsibility, R. Kane, T. Hobbs, D. Bramhall.

Введение

Современная научная картина мира выдвигает требование натурализма в отношении психофизической проблемы. В рамках данного подхода признается тесная связь феноменологического опыта и процессов, происходящих в головном мозге, что может противопо-

¹ The research was supported by RSF (project № 18-18-00222).

речь интуициям повседневного мышления. Признание подобной связи с первого взгляда умаляет моральную ответственность человека, который представляется «запрограммированным» на определенное действие своим организмом и сознательно не влияющим на решение, а «сам мозг становится внешним обстоятельством по отношению к субъекту» [1, с. 158]. Интуитивно кажется, что в случае истинности каузального детерминизма, который предполагает, что все, что имеет место в действительности, в том числе наши решения, обусловлено предшествующими событиями и состояниями, они не являются произвольными, а значит, само понятие свободной воли «может быть определено в одну группу с ведьмами и флогистонами» [2, с. 5], как некий устаревший концепт.

Но можем ли мы так легко отказаться от него и не приведет ли это к череде редукций таких важных для каждого человека понятий, как подлинная любовь, дружба, творчество и, что наиболее важно, моральная ответственность?

Представим, что мы оказались в ситуации, приведенной в качестве примера одним из участников дебатов о свободе воли Р. Кейном [2, с. 84]. Мы находимся на судебном процессе над молодым человеком, изнасиловавшим, а затем убившим шестнадцатилетнюю девушку. Предполагается, что человек после совершения подобного должен раскаиваться или испытывать чувство злости, которое бы объяснило его мотивы. Однако в своем признании молодой человек представляет произошедшее как следствие его слабого характера и порочных мотивов, сформированных в силу пренебрежения родителей по отношению к нему, насилием в детстве и плохими примерами для подражания. Это может ослабить неприязнь к нему и направить ее, в какой-то степени, на тех, от кого он терпел насилие, кто оказал на него подобное влияние. Тем не менее, его жизненная история не мыслится как зависимая только от этих людей, кажется, что он в определенной степени ответственен за формирование своего характера, подтверждением чему является чувство отвращения, которое мы можем испытать к нему.

Таким образом, на суд выносятся уже само понятие моральной ответственности и тесно с ним связанное понятие свободы воли. Причем, на наш взгляд, ситуация напоминает сюжет фильма С. Люмета «12 разгневанных мужчин», где все присяжные, за исключением одного, заранее уверены в виновности обвиняемого. Главный герой пытается убедить в том, что, хотя и нет достаточ-

ных оснований для доказательства невиновности, все же нет и таковых для доказательства обратного. На кону стоит нечто, обладающее ценностью, то, чем не стоит пренебрегать, пока существует возможность помыслить его существование. Р. Кейн не претендует на конечное решение проблемы свободы воли и моральной ответственности, он лишь предлагает не отнимать присущую данному вопросу таинственность, которая следует из ограниченности имеющихся знаний о том, чем в действительности является сознание и каким образом устроен мир (детерминирован он или нет) [3, с. 180]. Учитывая это, не стоит так легко отказываться от интуиций, имеющих решающее значение для полноценного восприятия себя самого и окружающих.

Тут, прежде всего, встает необходимость определения того типа свободы воли, который Р. Кейн защищает и который является неприемлемым для большинства участников дебатов. Для выполнения данной задачи он предлагает рассмотреть понятие свободы воли в его связи с философской традицией.

1.

Вопрос о свободе воли встает наиболее остро в связи с признанием онтологического статуса детерминизма, в рамках которого становится невозможно помыслить действие агента в качестве начала причинно-следственного ряда, поскольку агент мыслится зависимым от тех или иных детерминирующих факторов, таких как судьба, Бог или законы природы. По мнению Р. Кейна, исторически детерминистические доктрины являлись толчком для развития альтернативного, либертарианского взгляда на свободу воли, в рамках которого признается существование свободы воли, не совместимой с детерминизмом [2, с. 5].

Истоки данного спора можно усмотреть еще в полемике стоиков и эпикурейцев [2, с. 10], однако классическую форму он приобретает, когда доктрина детерминизма принимает свою окончательную формулировку, т.е. в XVII в. Тогда же либертарианское понимание свободы воли начинают рассматривать как несоответствующее современной эпохе Просвещения передовым взглядам на природу человека. Детерминистическая схема, признающая каузальную замкнутость мира и детерминированность душевной жизни теми же законами, избегает трудностей либертарианства,

сопряженных с трудностью аргументации либертарианских интуиций без прибегания к противоречивым метафизическим построениям, которые кажутся излишними по отношению к стройной детерминистской системе. В данном контексте свобода воли обретает свои классические компатибилистское (точка зрения, согласно которой свобода воли рассматривается совместимой с детерминизмом) и либертарианское определения, и ключевую роль в данном процессе, по мнению Р. Кейна, играет спор Т. Гоббса и Д. Брэмхолла. Позицию Т. Гоббса, в рамках данной полемики, можно назвать предтечей современного компатибилизма, который использует отчасти редукционистскую стратегию, рассматривая проблему несовместимости свободы воли и детерминизма как псевдопроблему. Данный подход имел свое развитие в философии XX века через направление логического позитивизма и других теорий, предлагавших оставить эту проблему для истории [4, с. 232].

Согласно Т. Гоббсу, не существует такого вида свободы воли, как «свобода безразличия», которая была бы независима от психологического и физического устройства человека. То, что действительно является движущей силой его «воли», — страсти, а именно страх, желание и надежда. Страсти определяются в то или иное русло внешними по отношению к человеку факторами [5, с. 41]. В таком контексте свободную душевную жизнь человека можно сравнить с непринужденностью его телесных движений. Свободным же действием признается то, которое не является ограниченным какими-либо внешними преградами для осуществления принятого агентом решения. Особо важной становится разница обусловленного и принужденного действия, поскольку свободным может быть признано лишь совершенное в соответствии с желанием агента и только с ним. Свобода воли становится свободой от насилия и принуждения.

Р. Кейн называет такой подход пониманием свободы воли в ее «слабом» смысле [2, с. 49] и предлагает уделить более пристальное внимание оппоненту Т. Гоббса Д. Брэмхоллу, который, в свою очередь, настаивал на инкомпатибилистской интуиции, заключающейся в том, что человек не может быть признан в полном смысле свободным до тех пор, пока сохраняется обусловленность его характера или же мотивов приводящим для агента способом. Свободные действия не должны быть обусловлены ничем, кроме них самих, факторы же, влияющие на них, не могут признавать-

ся в качестве достаточных для их возникновения. Стоит отметить, что он не отрицает существование необходимости в природе, но проводит различие между природными явлениями и человеческим разумом, способным к волеию. Свободное от принуждения действие и воление не являются для Д. Брэмхолла тождественными, поскольку последнее связано с понятием выбора, дающего власть над самим собой [6, с. 15]. Возникает вопрос об источнике подобной силы. Его либертарианская позиция идет даже дальше простой констатации инкомпатибилизма и требует признания за агентом способности определять самого себя, будучи автором своих мотивов и характера. Такое требование может быть удовлетворено посредством введения дополнительных концептов, предполагающих некий метафизический субъект, новый тип агентности, который бы являлся независимым (по крайней мере отчасти) по отношению к ранее сформированному характеру и мотивам.

Свобода воли в данном случае связывается с понятием рациональности, что позволяет Д. Деннету назвать концепцию Д. Брэмхолла, наряду с системой Р. Декарта, «гимном субъекту»: решение становится единственно верным, так как соответствует истине — данный тип свободы является свободой безразличия, поскольку объявляется независимым напрямую от желаний и телесности.

В рамках же компатибилистского подхода, наличие желаний является скорее положительной характеристикой, а действие в соответствии с ними может рассматриваться в качестве подтверждения собственного существования, акта в защиту присущих агенту интересов. Исходя из наличия того или иного интереса, человек может опознавать нечто в качестве «хорошего», «плохого» или нейтрального. В данном случае фиксируется четкая разница между тем, кто поступает правильно, опознавая нечто в том или ином качестве и соотнося со своими интересами, и тем, кто действует, исходя из того, что это правильно и в таком случае он вынужден так поступать. Таким образом, разница между черепахой, которая откладывает как можно больше яиц, чтобы хищники не смогли уничтожить все потомство, и человеком в том, что человек действует не по инстинкту, а в силу способности знать причину своего желания — иметь интерес [7, с. 24].

Если же воления человека всегда детерминированы его страстями, почему же мы вменяем ему рациональность? Человеческий поступок обусловлен сложным каузальным процессом восприятия

и рационализации, который включает в себя, в рамках концепции Т. Гоббса, влияние со стороны общества. Человек не существует полноценно вне его. Это иллюстрирует рассказ Т. Гоббса о естественном состоянии «войны всех против всех». Только после заключения договора и начала существования общества было положено и начало мышления в категориях «плохого» и «хорошего», т.е. в категориях морали. Человек в государстве управляется посредством страха, причем перспектива страданий в земной жизни оказывается намного действеннее, чем обещания о них в будущей.

Т. Гоббс, полемизируя с Д. Брэмхоллом, критикует различие между силой морали и физической силой. Моральная обусловленность выступает как простое наименование, которое без помощи воображения ничего под собой не подразумевает [7, с. 20], ведь само понятие морального долженствования оказывается сложным для непротиворечивого понимания в силу собственной абстракции. Оно не имеет за собой конкретного мотива в качестве своего обоснования и оказывается «подвешенным в воздухе». Субъект же в данном случае становится «пустым» [2, с. 11], не имеющим каких-либо оснований в опыте, его невозможно обосновать, нужно лишь принять на веру.

Кроме того, либертарианская и недетерминистическая теория не могла быть включена в систему взглядов той эпохи, поскольку возможность быть собственным творцом предполагает индетерминистический характер хотя бы некоторых процессов, ее же введение не решает проблему «пустоты», поскольку не может ни объяснить отсутствие контроля в рамках индетерминизма, ни устранить неясность и сложность в определении агента как субстанции, отличной от физической реальности, а потому не детерминированной физическими законами природы. В этом смысле упрощенное, по мнению Р. Кейна, понимание Т. Гоббсом свободы агента как отсутствия препятствий для следования своим желаниям кажется более привлекательным, поскольку снимает проблему как таковую. Это было одной из причин, почему Т. Гоббс отвечает своему оппоненту на его книгу «Ловля Левиафана», что тот не смог ничего поймать.

Тем не менее, несмотря на определенные трудности, либертарианские интуиции предоставляют возможность дать определение понятию «свобода воли» в его «сильном» значении, благодаря которому агенту можно приписать в полной мере ответственность за совершение того или иного действия. Полемика между Т. Гобб-

сом и Д. Брэмхоллом выявила возможность совмещения свободы воли и детерминизма, но лишь в обыденном словоупотреблении, не объясняя все ее аспекты.

2.

Стоит отметить, что, давая собственное определение свободы воли, которое бы учитывало либертарианские интуиции, Р. Кейн принимает как каузальный детерминизм в ограниченном виде, так и некоторые виды свободы воли, совместимые с детерминизмом.

Тот вид свободы воли, который, по мнению Р. Кейна, стоит «отстаивать на суде», формируется как критика видов свободы воли, предложенных в рамках компатибилизма, за их недостаточность. Данная критика апеллирует к излишней прагматичности и ограниченности в силу того, что моральная оценка в компатибилистском понимании рассматривается как принятие решения только в его связи с ожидаемыми агентом последствиями [2, с. 38]. Эта критика направлена, в том числе, и на теорию Д. Деннета, оставляющего, по мнению Р. Кейна, вне своего рассмотрения тот момент, каким образом у агента формируется интенция, которая в будущем определит его поведение.

Р. Кейн рассматривает в этом ключе знаменитый пример Д. Деннета о М. Лютере, который приводится в книге «Elbow Room», как критика принципа альтернативных возможностей, необходимого для возможности «поступить иначе», т.е. для индетерминизма. Он приводит слова М. Лютера «на том стою, и не могу иначе», сказанные во время защитной речи на Немецком конгрессе в Вормсе [7, с. 133]. Д. Деннет пишет: ошибочно предполагать, что в случае, если М. Лютер был прав и действительно «не мог поступить иначе», у нас не было бы оснований для того, чтобы сделать хоть какую-то моральную оценку совершенного им поступка. Сами слова М. Лютера подчеркивают тот факт, что он брал на себя полную ответственность, и его позиция действительно может быть морально оценена, даже несмотря на то, что он отрицает возможность иного исхода.

В этом случае инкомпатибилисты, в том числе и Р. Кейн, будут утверждать, что нам необходимо знать обстоятельства и условия, в которых М. Лютер принимает свое решение и которые влияют на то, может ли оно рассматриваться в качестве морального субъ-

екта. Если позиция исходит непосредственно из характера и мотивов агента, необходимо уточнить, является ли он ответственным за то, какой личностью сформировался. Р. Кейн пишет, что те, кто знают историю М. Лютера, могут признать, что данному решению предшествовали долгие годы внутренней борьбы и сомнений. Данная позиция сформировалась после принятия череды сложных выборов, посредством которых М. Лютер утверждался в данной позиции постепенно. Таким образом, рассматривать его в качестве морально ответственного можно только в том случае, если его ответственность распространяется и на то, какой личностью он является. Если это так, то вопрос скорее не в том, мог ли Лютер поступить иначе в этот момент, а в том, мог ли он сформировать в прошлом себя в ином качестве, что позволило бы вменить ему не просто ответственность, но ответственность предельную, как агенту, способному на «формирующие самость» действия.

И действительно, если детерминизм верен, то каждое решение, которое я принимаю, подобно каждому вздоху, который я делаю, и является в конечном итоге результатом причинно-следственной цепочки, ведущей нас назад вплоть до рождения, если не дальше. В данном случае особенно важным является то, в каком смысле мы используем само понятие «причина». Если каузальный детерминизм используется в качестве тезиса, заключающегося в том, что каждое состояние обусловлено предшествующим состоянием, то возникает своего рода регресс причинности, а следовательно, агент может рассматриваться в качестве ответственного «таким же способом, как падающая ветка дерева во время шторма ответственна за смерть человека, на которого она упала. Но ветка не виновата в том, что она являлась настолько прочной, насколько она была, или что ветер подул с определенной силой, или что само дерево росло на таком близком расстоянии к дороге» [8, с. 102]. Чтобы быть морально ответственным, в рамках инкомпатибилизма, агент должен быть конечным источником своих решений, а значит, должно быть что-то в человеческом сознании, относительно чего, подобно надписи на письменном столе Г. Трумена, «фишка дальше не идет» [8, с. 99].

Для решения данной проблемы Р. Кейн вводит понятие «расколотой воли», таким образом предполагается некая ситуация, в рамках которой ни один сформированный ранее мотив или качество, или же черта характера, присущая человеку, не может стать достаточным основанием для принятия одного из двух одинаково раци-

ональных вариантов решения. Представим, что Джейн выбирает место для отдыха и у нее есть два варианта: Колорадо и Гавайи. Взвесив все плюсы и минусы, она заключает, что ехать на Гавайи предпочтительнее. Ее выбор не был детерминированным, тем не менее, будет странно, если она, заново повторив процесс обдумывания, вопреки ожидаемому рациональному выбору, при неизменившихся обстоятельствах, выберет Колорадо. В таком случае ее выбор был бы результатом случайности и его можно было бы назвать иррациональным. Традиционно рациональность рассматривается в качестве условия свободы воли агента, а потому в рамках индетерминизма не возникает проблем с принятием решения, если выбор имеет однонаправленную рациональность и предсказуемость.

Неопределенность появляется, если агент имеет более-чем-одну направленность и рациональность, в данных условиях человек сталкивается с ситуацией, когда не имеет достаточного основания, чтобы склониться к выбору того или иного варианта. Таким образом ситуация, в которой действительно предполагается свобода воли, должна представлять собой внутренний конфликт мотивов. Разрешением является принятие одного из вариантов, который определяет агента как сформировавшего себя в определенном качестве. Такие действия Р. Кейн и называет «формирующими самость действиями». Подобные свободные акты являются единственной возможностью сказать, что мы имеем предельную ответственность хотя бы за какую-то часть наших решений.

Представим себе женщину, которая спешит на работу, но замечает нечто, что требует ее вмешательства как добросовестного гражданина. Должна ли она помочь в ущерб своей карьере? Перед ней встает моральный выбор. В данном случае женщина должна приложить определенные усилия, чтобы, вопреки эгоистическому желанию поступить иначе, выполнить свой гражданский долг. Данную ситуацию можно охарактеризовать в качестве «расколотой воли» или конфликтующих мотивов, что означает, что совокупность уже имеющихся мотивов и черт характера могут допустить обе модели поведения в равной степени. Чтобы склониться к одному из них, агенту необходимо совершить волевое усилие.

Процесс совершения волевого усилия Р. Кейн объясняет посредством аналогии с поведением изолированной элементарной частицы, например с электроном, который движется к тонкому барьеру [3, с. 169]. Преодолеет ли частица этот барьер недетерми-

нировано? Есть вероятность, что она это сделает, но нет уверенности. Представим, что решение моральной дилеммы женщины похоже на процесс прохождения через этот барьер. Усилия нашей воли относятся к сложным процессам, происходящим внутри мозга и включающим в себя множество нейронных импульсов и взаимосвязей. Даже малейшие изменения на микроуровне, если брать во внимание теорию хаоса, могут привести «на выходе» к существенным трансформациям.

Р. Кейн предлагает, в качестве рабочей гипотезы, предположить, что усилия воли являются сложными хаотическими процессами, включающими нейронные сети, чувствительные к квантовым неопределенностям на нейронном уровне. «Эти конфликты, — пишет Кейн, — создают напряжение, отражающееся в соответствующих участках мозга путем дальнейшего движения от равновесного состояния, что увеличивает чувствительность по отношению к микро-неопределенностям на нейро-уровне и увеличивает эти неопределенности на всем протяжении сложного макро-процесса, который *в целом* является волевым усилием» [3, с. 172]. Данный процесс в сознании переживается как момент поиска и переоценки, в конце которого агент совершает действие, формирующее его «самость» и влияющее на все последующие решения. Сами по себе хаотически взаимодействующие нейронные сети не создают индетерминизма, но напротив — индетерминизм создает вероятностный характер данных процессов. Для этого и необходима квантовая вероятность, к которой обращается в своей теории Р. Кейн.

Кроме того, проблема свободы воли и того, какие процессы в головном мозге отвечают за появление ощущения выбора или же переживания состояния «расколота воли», наталкивается на вопрос о том, как в принципе связан феномен сознания с деятельностью мозга. У. Плейс в статье «Is Consciousness a Brain Process?» демонстрирует, что если мы принимаем натуралистическую установку и связываем феномен сознания и наблюдаемые наукой физиологические процессы, то необходимо рассматривать их в качестве двух различных описаний одного явления. Причем языки этих описаний являются непереводаемыми по отношению друг к другу, поскольку исходят из различных перспектив: «первого лица» как то, что дано агенту непосредственно в опыте, и «третьего лица» как некое объективно данное явление.

Р. Кейн выступает против признания перспективы «первого лица» в качестве иллюзорной и обосновывает теорию, предлагающую особую интерпретацию либертарианского подхода. Данный подход можно назвать «каузально-индетерминированным» (causal indeterminist) или «событийно-каузальным». Кроме того, стоит отметить особое внимание Р. Кейна к предшествующей философской традиции, обращаясь к которой он систематизирует и концептуально оформляет свои философские интуиции. Таким образом, Р. Кейн показывает возможность помыслить свободу воли в ее «сильном» значении в рамках современной науки. А если существует такая возможность, стоит ли так легко отправлять такой тип свободы воли на «смертную казнь»?

Литература

1. *Секацкая М. А.* Моральная ответственность без свободы воли. Аргумент в пользу натуралистической этики // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 151–161. (Sekatskaya M. A. Moral Responsibility without Free Will. An Argument for Ethics Naturalized // The questions of philosophy. 2014. № 10. P. 151–161.)
2. *Kane R.* The Significance of Free Will. New York: Oxford University Press, 1996.
3. *Кейн Р.* Свобода воли: ускользающий идеал. Пер. с англ. Н. С. Поповой-Никитюк; под ред. М. А. Секацкой // Философия. Журнал Высшей школы экономики, 2017. Т. I, № 4. С. 141–189. (Kane R. Free Will: The Elusive Ideal, trans. from the English by N. S. Popova-Nikityuk. ed. by M. A. Sekatskaya // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2017. I (4). P. 141–189.)
4. *Russel P.* Pessimists, pollyannas, and the new compatibilism. The Oxford Handbook of Free Will (1 ed.), 2009.
5. *Douglass R.* Rousseau and Hobbes: Nature, Free Will, and the Passions. Oxford University Press, 2017.
6. *Hobbes and Bramhall on Liberty and Necessity*, edited by Vere Chappell. Cambridge University Press, 1999.
7. *Dennett D. S.* Elbow Room. Oxford: MIT Press, 1984.
8. *Dennett D. S.* Freedom evolves. Penguin books, 2004.
9. *Секацкая М. А., Попова-Никитюк Н. С.* Натуралистическое либертарианство Роберта Кейна // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. I, № 4. С. 141–189. (Sekatskaya M. A., Popova-Nikityuk N. S. The Naturalistic Libertarianism of Robert Kane // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2017. I (4). P. 141–189.)
10. *Place U. T.* Is consciousness a brain process // British Journal of Psychology. 1957.